

Говорил он чрезвычайно медленно, тягуче и сбивчиво, растянув свой рассказ почти на четверть часа. Наконец Цзинь Чжоу не выдержал и оборвал его:

— И какое отношение эта история о драке имеет к темной скверне?

— Должно быть, никакого, — ответил Тань Шаньюй. — Но мастер зала Цзинь только что велел подробнейшим образом пересказать все события сегодняшнего дня, вот я и старался вспомнить всё до мелочей.

— Пф-ф, — не удержался Се Жэнь.

Цзинь Чжоу вспыхнул с новой силой, окончательно убедившись, что эти люди явились лишь с одной целью — придраться и устроить беспорядки. Цзинь Шэнкэ жестом принудил сына к спокойствию и со сдержанной доброжелательностью произнес:

— Это я выразился неясно. Младший господин Тань, рассказывайте лишь то, что напрямую связано с темной скверной.

Тань Шаньюй продолжил:

— Возвращаясь на хребет Уинь, я заметив полосу темной скверны за пределами Цзиньгуана. Сразу крикнул спутникам, чтобы они посмотрели, но никто ничего не увидел. А когда я снова обернулся, скверны уже и след простыл.

Рассказ выдумать не пришлось: кратко, четко и без лишних деталей — ведь речь шла лишь об одном мгновенном взгляде. Цзинь Шэнкэ покачал головой:

— Дворец Луаньюй со всех сторон защищен духовными талисманами и заклятиями. Как здесь мог укрыться целое облако темной скверны? Младший господин Тань наверняка ошибся.

— Я не ошибся, — твердо возразил Тань Шаньюй.

Его упорство дало клану Фэн законный повод досмотреть всю территорию. Лицо Цзинь Чжоу становилось все мрачнее, тогда как Цзинь Шэнкэ внешне сохранял невозмутимость. Он лишь велел сыну оказывать гостям полное содействие: чем скорее завершится проверка, тем скорее клан Цзинь восстановит свое доброе имя. На этих словах он тяжело зашелся кашлем, выплеснув сгусток крови. Цзинь Чжоу поспешно отправил отца назад на алтарь Цзюйгуан и приказал слугам подготовить гостевой двор для размещения гостей из клана Фэн.

Когда вокруг наконец все улеглось, Се Жэнь спросил:

— Он и впрямь так тяжело ранен, что еле дышит?

— Лицо серые, как пепел, — отозвался Фэн Цяньсюэ. — Нежилец.

— Хм-м... странно, — пробормотал Се Жэнь. — Столько лет считалось, что он затворился от мира ради постижения высочайших бессмертных искусств.

— Думаете, это как-то связано с Цзюином? — поинтересовался Тань Шаньсяо.

— Возможно, — внезапно подал голос Тань Шаньюй.

Трое идущих впереди одновременно обернулись к нему.

Тань Шаньюй с трудом сглотнул и, набравшись храбрости, признался:

— На самом деле я нарочно тянул время и нес всякую чушь, чтобы получше присмотреться. На том мастеру зала Цзинь действительно была темная скверна, хоть она и рассеялась мгновенно. Это было похоже не на его собственное проклятие, а на то, будто он случайно соприкоснулся с кем-то из древних темных тварей и подцепил частичку их духа.

Тань Шаньсяо ни за что бы не подумал, что его младший брат окажется таким сокровищем, и просиял от радости. Фэн Цяньсюэ достал из мешочка цянькунь драгоценный пузырек и протянул юноше:

— Снежная пиллюля «Проникающий сквозь золото пух». Она способствует укреплению духовно-энергетических каналов. Благодарю вас, младший господин Тань.

Тань Шаньюй отродясь не получал столь ценных подарков. Он осторожно прижал лекарство к груди и, чувствуя себя невероятно гордым в окружении таких выдающихся заклинателей, заметно повеселел. Его глаза бегали по сторонам — ему ужасно хотелось отыскать еще хоть капли темной скверны, чтобы выслужиться снова.

Гостевой двор на этот раз оказался куда просторнее и роскошнее того, где они останавливались с Ли Хуанем. Обед подали изысканный. Усевшись за стол, Фэн Цяньсюэ по привычке достал из мешочка цянькунь чашу и сосуд с вином, нефритовой ложечкой зачерпнул цветочного меда и аккуратно приготовил пиалу сладкого напитка.

Тань Шаньсяо от волнения даже замер, вытянув обе руки, чтобы с почтением принять чашу.

Однако Фэн Цяньсюэ протянул пиалу Се Жэню и вовсе не намеревался наливать вторую.

Тань Шаньсяо: «...»

В середине трапезы Фэн Цяньсюэ подцепил палочками кусочек мяса, мгновение помедлил и переложил в пиалу Се Жэню:

— Съешь.

Младший господин Се скривился:

— Я не люблю такое.

Тань Шаньсяо про себя ахнул: надо же, до чего бывают неблагодарные люди, не ценящие собственного счастья!

— Я тоже не люблю, — Фэн Цяньсюэ нахмурился, глядя на сидящего рядом юношу.

Се Жэнь про себя вздохнул: «Ладно, я всё понял. Ты взялся за кусок и только потом сообразил, что не хочешь его; положить обратно неприлично, выбросить — жалко, есть самому — сущее мучение. Вот и остается отдать мне. Отлично, никаких вопросов!»

Тань Шаньсяо не выдержал и поспешно выкрикнул:

— А я люблю! Я люблю это мясо!

Фэн Цяньсюэ даже не взглянул на него.

Зато Тань Шаньюй, услышав пылкий возглас брата, с трогательной заботой переложил почти полблюда в его пиалу. Вот только мясо действительно оказалось редкой дрянью. Тань Шаньсяо с трудом проглатывал куски с искаженным от досады лицом, чувствуя себя еще более несчастным.

После обеда Фэн Цяньсюэ поднялся и пошел к себе. Се Жэнь вознамерился увязаться следом, но его окликнул Тань Шаньсяо:

— Брат Се, стой!

— Брат Тань? — обернулся Се Жэнь. — Что-то стряслось?

— Да, кое-что есть, — Тань Шаньсяо оттащил его в безлюдный угол и понизил голос. — Брат Се, я заметил, что молодой господин Фэн относится к тебе совершенно особым образом.

Се Жэнь усмехнулся:

— Ну да, а в чем дело?

Он-то думал, что тот раскусил их отношения и пришел подшутить, но Тань Шаньсяо следом выдал:

— Не мог бы ты научить меня, как добиться столь близкого расположения молодого господина Фэна? Я тоже так хочу!

Улыбка Се Жэня застыла. Это он оглох или этот парень действительно сбрендил?

Тань Шаньсяо смотрел на него с нескрываемой надеждой.

— Ты тоже так хочешь? — уточнил Се Жэнь.

— Хочу, еще как хочу! — хлопнул в ладоши Тань Шаньсяо.

Се Жэнь по-братски обнял его за плечи и наставительно произнес:

— Тогда тебе для начала придется победить меня в бою.

Тань Шаньсяо опешил:

— А?

— А-Жэнь, — как раз в этот момент к ним подошел Фэн Цяньсюэ. — О чем вы тут говорите?

— Ни о чем, — Се Жэнь тут же разжал объятия. — Как раз собирался идти к тебе.

Фэн Цяньсюэ пожаловался:

— Плечи ломит. Пойдем, разломни мне спину.

От этих слов господин Тань позавидовал еще сильнее.

Когда они ушли, Тань Шаньюй увидел, что брат все еще задумчиво смотрит им вслед, и с недоумением спросил:

— Брат, хоть господин Се и близок с молодым господином Фэном, но доедать за ним обноски и

разминать ему плечи — не такая уж великая честь. В лучшем случае ему за это достается чаша сладкого вина. Зачем тебе бороться с ним за эту работу?

«Ты ничего не понимаешь», — подумал Тань Шаньсяо, вновь мысленно уносясь к битве на горе Майшань и вспоминая ослепительный, словно выточенный из нежного снега образ высшего бессмертного Цюньюй.

Тань Шаньюй попытался наставить его на путь истинный:

— Раньше я их не знал, но до меня доходили слухи. Господин Се сжег всё имущество молодого господина Фэна на несколько миллионов нефритовых монет. И теперь он так безотказно прислуживает ему наверняка лишь ради того, чтобы отработать долг.

Тань Шаньсяо озарило:

— Хочешь сказать, мне тоже стоит задолжать ему кучу денег?

Тань Шаньюй обомлел:

— Я вовсе этого не имел в виду!

Можно ли вообще вылечить эту дурь?!

В комнате Се Жэнь разминал плечи Фэн Цяньсюэ:

— Мышцы совсем каменные. Ложись-ка ты сегодня пораньше.

— Я лягу рано, а ты? Тайком прошмыгнешь на алтарь Цзюйгуан?

Се Жэнь хмыкнул:

— Знал, что от тебя ничего не скроешь. Не волнуйся, я только взгляну одним глазком, глупостей делать не стану.

— Я пойду с тобой, — Фэн Цяньсюэ откинулся назад. — Полегче.

— В прошлый раз было слишком слабо, в этот — слишком больно. Уж и не знаешь, как тебе угодить, — Се Жэнь обхватил его лицо ладонями, наклоняясь ниже. — Угадай, о чем со мной только что говорил Тань Шаньсяо?

— Неинтересно, — Фэн Цяньсюэ прикрыл глаза. — Если тебе так хочется поговорить, то лучше скажи: откуда у Цзинь Шэнкэ взялась темная скверна?

— Да откуда же еще, с алтаря Цзюйгуан, — Се Жэнь выпрямился. — Это его личное владение, посторонним туда ходу нет. Если он решил у себя кого-то прикормить, то лучшего места не найти.

— А я-то думал, ты наклонился, чтобы поцеловать меня.

— Вообще-то да, я хотел поцеловать, но ты ведь сам внезапно заговорил про Цзинь Шэнкэ! Кто же поминает посторонних в такой момент?

— Ну, теперь я про него не говорю.

— ...

Се Жэнь просто онемел от такой очаровательной непосредственности.

Он вновь наклонился, бережно сжал его щеки и подался вперед за поцелуем. Фэн Цяньсюэ поначалу послушно приподнял голову, но упавшие пряди волос Се Жэня щекали ему лицо. Он со смехом оттолкнул юношу:

— А ты хоть знаешь, где находится алтарь Цзюйгуан?

— Знаю, на самой высокой точке к югу от главного зала, — Се Жэнь присел рядом. — Но даже башня Байчжан, где спит Цзинь Чжоу, охраняется на совесть. А алтарь Цзюйгуан — это же драгоценнейшее сокровище Цзинь Шэнкэ, туда подобраться еще сложнее. В детстве, когда я приезжал сюда на Новый год, я увидел, как эта высокая башня величественно сияет в темноте, и решил полюбопытствовать. Не успел и пары шагов сделать, как на меня налетела орава свирепых стражников и выставила вон.

Фэн Цяньсюэ потянул за прядь его волос:

— И ты все равно собирался уложить меня спать, а сам уйти на разведку?

Се Жэнь усмехнулся:

— Да я просто так подумал! Если бы ничего не вышло, я бы просто вернулся. Хотел проверить удачу.

Фэн Цяньсюэ качнул головой:

— Пока я рядом, тебе больше не нужно полагаться на удачу.

Се Жэнь лишь угукнул. С одной стороны, эти слова прозвучали так властно, холодно и невероятно мило, что ему безумно захотелось сгрести его в охапку и расцеловать. А с другой... он подумал: с такими темпами, когда же он сам наконец сможет... Ладно, пока не заслужил.

Пока он витал в облаках, щеки касалось нежное тепло. Фэн Цяньсюэ, закончив поцелуй, поддел его подбородок пальцем и паранически почесал, словно заигрывая с Байя:

— Не пытайся всегда превзойти меня.

Се Жэнь: «...»

<http://bllate.org/book/18374/1766364>